

С. И. Баранова, Н. И. Иорданская

Неизвестная изразцовая печь из собрания Государственного исторического музея

Аннотация. Статья посвящена атрибуции неизвестной изразцовой печи, хранящейся в собрании Государственного исторического музея. Атрибутивные характеристики и выявленные архивные источники позволяют отнести печь к реконструкции, проходившей в Палатах Юсупова в Москве в начале 1890-х гг. по проекту архитектора Н. В. Султанова. Эти же источники позволяют предполагать местом и датой производства печного набора – завод Харламова в Санкт-Петербурге в 1892 г. Очевидно, этот вариант, полностью состоящий из современных реконструкции изразцов, не устроил в дальнейшем владельцев, которые позднее в 1913–1915 гг. заменили печь на подлинную калужскую печь 1760-х гг. В рамках проведенного исследования сделана графическая реконструкция печи из дворца Юсуповых, благодаря которой впервые были получены данные о параметрах памятника и количестве предметов в комплекте. В статье дано развернутое описание изразцовой печи, приведены аналоги и сделан стилистический анализ декора.

Ключевые слова: изразец, печь, реконструкция, Н. В. Султанов, Палаты Юсуповых, завод Харламова

Благодарности. Авторы выражают сердечную признательность доктору искусствоведения, заведующей сектором искусства Нового и Новейшего времени Государственного института искусствознания Е. А. Бобринской за поддержку и предоставленные материалы, художникам Е. Б. Лазуковой и Д. Н. Смирновой за помощь в создании обмерных чертежей, историку А. В. Постникову за указания на документальные источники.

Для цитирования: Баранова С. И., Иорданская Н. И. Неизвестная изразцовая печь из собрания Государственного исторического музея // Подлинник. Вопросы атрибуции и реставрации. 2026. С. 53–77.

Настоящее исследование было проведено в ходе работы над изданием «Музей изразцовых печей», посвященного печам в палатах Юсупова, отразившего уникальный опыт реконструкции исторического интерьера архитектора Николая Владимировича Султанова (1850–1908) в восточной части палат в начале 1890-х гг. [Баранова, 2025].

© Баранова С. И., Иорданская Н. И., 2026

DOI: 10.28995/3034-3224-2026-1-53-77

С. И. Баранова, Н. И. Иорданская. Неизвестная изразцовая печь из собрания Государственного исторического музея

К настоящему времени в этой части палат Юсупова сохранились 9 изразцовых печей, которые расположены в помещениях второго и третьего этажей. Все изразцовые печи относятся к типу голландских, то есть предназначенных для отопления здания [Подробнее см.: Киселев, 2009].

Печи привлекали внимание с момента завершения реконструкции палат Юсупова. Без их описания не обходилось ни одно издание о дворце, будь то газетная заметка побывавшего в нем в 1897 г. «Сфинкса», в которой он называет палаты «домом-музеем» [Дом князей Юсуповых, 1897], или альбом 1983 г. известного исследователя русского изразцового искусства С. А. Маслиха, с сожалением отметившего, что сохранившиеся изразцовые печи «были значительно „поновлены“ во время реставрации палат новым владельцем в конце XIX века» [Маслих, 1983, с. 25]. Некоторые сведения о печах были приведены в исследованиях последних лет: в монографии Ю. Р. Савельева, посвященной Н. В. Султанову [Савельев, 2009], а также книге К. В. Лихолата и А. И. Роденкова [Роденков, Лихолат, 2020, с. 86–97], где в числе прочего впервые были опубликованы важные документальные источники о производителе печей. Однако в большинстве публикаций встречаются лишь упоминания о печах, не содержащие какого-либо анализа ни их самих, ни процесса создания этого важного элемента интерьера палат, в них часто нет даже более-менее точной датировки печей: как правило, никак не аргументируя, авторы относят их к XVII в.

Рис. 1. Изразцовая печь в Большой Столовой палате. Калуга. Конец 1760-х. Фото 2025. Музей-заповедник «Архангельское». Печь была привезена из дома Мещанинова в Коломне и в 1915 г. установлена в Палатах Юсуповых

Fig. 1. The tiled stove in the Large Dining Room. Kaluga. End of the 1760s. Photo 2025. Museum-reserve «Arkhangelskoe». The stove was brought from the house of Meshchaninov in Kolomna and installed in the Yusupov Chambers in 1915

С. И. Баранова, Н. И. Иорданская. Неизвестная изразцовая печь из собрания Государственного исторического музея

Предлагаемая статья посвящена одной из изразцовых печей, ныне хранящейся в собрании ГИМ, которая, по нашему мнению, происходит из одного из главных помещений в восточной части Палат Юсупова – Большой столовой. В настоящее время здесь расположена изразцовая печь, которую традиционно связывали с султановской реконструкцией (рис. 1). Высокая и стройная (размеры печи 1,85 × 1,86 × 3,22 м), трехъярусная (1-й ярус – 1,1 м; 2-й ярус – 1,12 м; 3-й ярус – 1 м) – это вполне оформленное архитектурное сооружение, которое напоминает античную урбанистику, прежде всего римские арочные сооружения. Она делится на три яруса, первый из них – стилобатный, с высокими и далеко выдвинутыми пилястрами, на которые опираются сдвоенные стройные колонны. Венчающий ярус – вариация фронтона. Все сооружение покрыто светлой эмалью и расписано в несколько красок, из которых основная – коричневая. Она прекрасно сочетается с глубокой темной зеленью растений, яркими тонами одежды персонажей – желто-оранжевыми и синими, составляющих композицию центрального сюжета с изображением лежащей под балдахином Венеры и Марса, обезоруженного амурами, которые снимают с него доспехи (рис. 2). Сюжет можно представить и как аллегорию мира (богиня любви подчиняет себе бога войны), и гораздо шире, как воплощение идеи о красоте, побеждающей пороки. Другие сюжеты, изображенные на печи, связаны с темой садов и плодородия.

При изучении архивных материалов (фотографий, планов и других источников) удалось установить, что после реконструкции начала 1890-гг. здесь находилась иная изразцовая печь, история поступления которой прояснилась лишь недавно (рис. 3–4). В архиве известного исследователя русского изразцового искусства А. В. Филиппова была обнаружена записка, раскрывающая обстоятельства этого перемещения: «Коломна. В доме Сазонова было несколько (4?) печей. Две из них (парные) живописн. изразцов куплены одна – в музей бар. Штиглица в Петроград, вторая – кн. Юсуповым за 1200 р. для Московского дворца у Красных Ворот (собрана и поставлена на место в 1915 г. “Муравою”). Кафли из светлой глины, рюмки. Печь сфотографирована мною по установке. Отданные изразцы у меня, в “Мураве” и у М. А. Егорова»¹ (рис. 5). Подтверждением замены печи служит также «Уведомление управляющего московскими домами князей Юсуповых М. И. Перова». В нем сообщается, «что печь во дворце сделана. За работу следует уплатить по счету, подписанному г. Архитектором Шусевым 400 рублей»² [РГАДА, л. 174]. В левом верхнем углу «Уведомления» сине-фиолетовыми чернилами проставлен штамп-шапка Конторы московских домов с датой 18 апреля 1915 г., написанной от руки. Упоминание в документе архитектора А. В. Шусева не вызывает вопросов: в это время его и Филиппова объединяли проекты, связанные с архитектурной керамикой.

Еще одним свидетельством является крупный изразец (25 × 23 см) из собрания музея РГХПУ им. С. Г. Строганова с аллегорическим изображением женщины с ребенком (рис. 6–7, 8). Надпись на обороте: «Изразец из печи дома Сазонова в Коломне». Изразец поступил в музей в 1960 г. в составе коллекции А. В. Филиппова. Долгое время предположение о том, что Филиппов принимал участие в перевозке печей в Москву, подтверждали также сохранившиеся в его архиве фотографии печи до перевозки из Коломны и после установки печи в Большой Столовой.

¹ Архив А. В. Филиппова. Отсутствие указания места хранения архива объясняется незаконченностью процесса его передачи в собрание Музея архитектуры им. А. В. Шусева. Материалы предоставлены Е. А. Бобринской.

² Текст документа, включая заголовок-адресат и подпись («М.Перов.») написан черными чернилами крупным шрифтом и почерком московского управляющего М. И. Перова с хорошо узнаваемым его автографом в конце.

С. И. Баранова, Н. И. Иорданская. Неизвестная изразцовая печь из собрания Государственного исторического музея

Рис. 2. Изразцовая печь в Большой Столовой палате (фрагмент). Фото 2025. Музей-заповедник «Архангельское»

Fig. 2. The tiled stove in the Large Dining Room (fragment). Photo 2025. Museum-reserve «Arkhangelskoe»

С. И. Баранова, Н. И. Иорданская. Неизвестная изразцовая печь из собрания Государственного исторического музея

Рис. 3–4. Большая Столовая палата с изразцовой печью, выполненной по проекту Н. В. Султанова. Вторая половина 1890-х. Музей-заповедник «Архангельское»

Fig. 3–4. The Large Dining Room with the tiled stove built according to the project of N. V. Sultanov. Second half of the 1890s. Museum-reserve «Arkhangelskoe»

С. И. Баранова, Н. И. Иорданская. Неизвестная изразцовая печь из собрания Государственного исторического музея

Рис. 5. Экспозиция Военно-исторического музея в Палатах Юсуповых. Интерьер комнаты с изразцовой печью. 1926. ГИМ

Fig. 5. The Military History Museum Exhibition in the Large Dining Room. The interior of the room with the tiled stove. 1926. SHM

Таким образом, печь была перевезена из усадебного дома одной из самых крупных купеческих усадеб Коломны, которая сложилась в 1760-х гг. при суконной «фабрике» купца Ивана Тимофеевича Мещанинова. В «Описи дома Ивана Демидовича Мещанинова в Коломне на Посаде в приходе церкви великомученика Никиты...» неоднократно встречается упоминание об изразцовых печах: «...в нем с залом жилых покоев одиннадцать в них печей изроцатых калужского мастерства шесть» [Опись дома, л. 19]. В октябре 1775 г. усадьбу посещала императрица Екатерина II [Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1878, с. 674–675].

В печи полностью отсутствует какая-либо металлическая фурнитура – печные дверки, колосники, вьюшки-заглушки, задвижки, которые мы видим на других печах. Можно предположить, что печь, будучи своеобразной декорацией, никогда не топилась.

У печи есть неоспоримое достоинство – она состоит из подлинных изразцов XVIII в., в ней нет копийных вставок (кроме поздних реставрационных деталей). Достоверность ее облика не вызывает сомнений³.

Возможно, что печь, поставленная изначально, позднее показалась владельцам палат недостаточно парадной для зала, предназначенного для приемов и праздников, особенно в год 300-летия царствования Романовых, отмеченного пышными балами, и они заменили ее на подлинную, относящуюся к одному из лучших, роскошных образцов печей эпохи Екатерины II.

³ Известны еще две подобные печи. Одна представлена в Калужском музее-заповеднике на первом этаже усадьбы Золотарёвых, другая, приобретенная также у последнего владельца усадьбы Мещаниновых в Коломне И. В. Сазонова, экспонируется в Музее прикладного искусства СПбГХПА А. Л. Штиглица в Санкт-Петербурге. На калужской печи видна дата «1769», позволяющая определить и время создания двух других, в том числе и печи в палатах Юсуповых.

С. И. Баранова, Н. И. Иорданская. Неизвестная изразцовая печь из собрания Государственного исторического музея

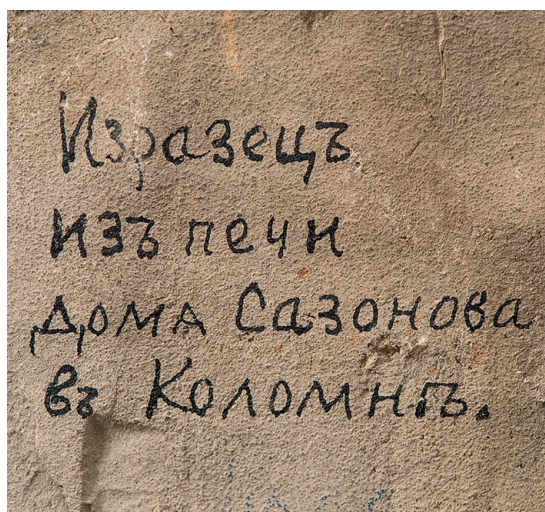

Рис. 6–7. Изразец печной с полихромной росписью. Надпись на тыльной стороне изразца: «Изразецъ изъ печи дома Сазонова въ Коломне». Калуга. Конец 1760-х. Музей МГХПУ им. С. Г. Строганова. Изразец поступил в музей в 1960 г. от С. В. Филипповой в составе коллекции А. В. Филиппова

Fig. 6–7. The stove tile with polychrome painting. The inscription on the back of the tile: «A tile from the stove from Sazonov's manor in Kolomna». Kaluga. End of the 1760s. The Museum of MGHPU named after S. G. Stroganov. The tile entered the museum in 1960 from S. V. Filippova as part of the collection of A. V. Filippov

Таким образом, возникает вопрос о печи, находившейся в Большой Столовой палате и принадлежавшей проекту Н. В. Султанова. Какой была первоначальная печь? Сохранилась ли? Где находится сейчас? В начале исследования ни на один из этих вопросов ответа не существовало.

Запутанную историю одной из главных печей дворца Юсупова прояснили события, которые произошли в усадьбе в 1919 г., когда в ней после революции разместился филиал ГРИМ (Государственного Российского исторического музея) – Военно-исторический музей. О них рассказывается в нескольких архивных документах. Первый из них – «Записка заведующего Хранилищем Военно-исторического музея П. А. Незнамова в Музейный отдел Наркомата просвещения РСФСР от нач. декабря 1919 г. с объяснением об обнаруженном недавно имуществе Юсуповых в деревянном сарае на бывшем юсуповском дворе» [ГАРФ, л. 52], в которой сообщается, что «при ознакомлении с находившимся в его ведении имуществом выяснилось, что... после произведенного... обыска, были обнаружены... и ценные в научном отношении старинные изразцы, упакованные в ящиках, купленные в свое время бывш. владельцем дома для постановки печей в нижнем этаже здания (дворца). Эту половину я считал необходимым опечатать охранными печатями...» – добавляет Незнамов [ГАРФ, л. 53–53об.]. В 1927 г. изразцы были перевезены в ГИМ, о чем свидетельствуют два документа – «Протокол № 20 заседания Комиссии по перевозке Военно-исторического музея (ВИМ) в Государственный исторический музей (ГИМ) от 1 декабря 1927 г.»⁴ и «Протокол № 21 заседания Комиссии по перевозке Военно-исторического

⁴ Документ отложился в деле в двух экземплярах, относящихся к одной машинописной закладке: один напечатан 2-м экземпляром (л. 32), а другой – третьим (л. 31). Оба экземпляра напечатаны темно-синие-фиолетовым цветом на лицевой стороне листа бумаги книжной ориентации (размером 21,9 × 35,4 см). Внизу обоих экземпляров стоят две одинаковых росписи-автографа. В первом экземпляре цифры, указывающие количество, подчеркнуты красным карандашом.

С. И. Баранова, Н. И. Иорданская. Неизвестная изразцовая печь из собрания Государственного исторического музея

музея (ВИМ) в Государственный исторический музей (ГИМ) от 2 декабря 1927 г.⁵. Среди разнообразных предметов, вошедших в дальнейшем в состав различных фондов ГИМ, были не только упомянутые ранее «старинные изразцы», размещенные «в кл. № 7», но и многочисленные ящики без указания содержания [НВА ГИМ, л. 31, 32]. Возможно, в них также размещались изразцы.

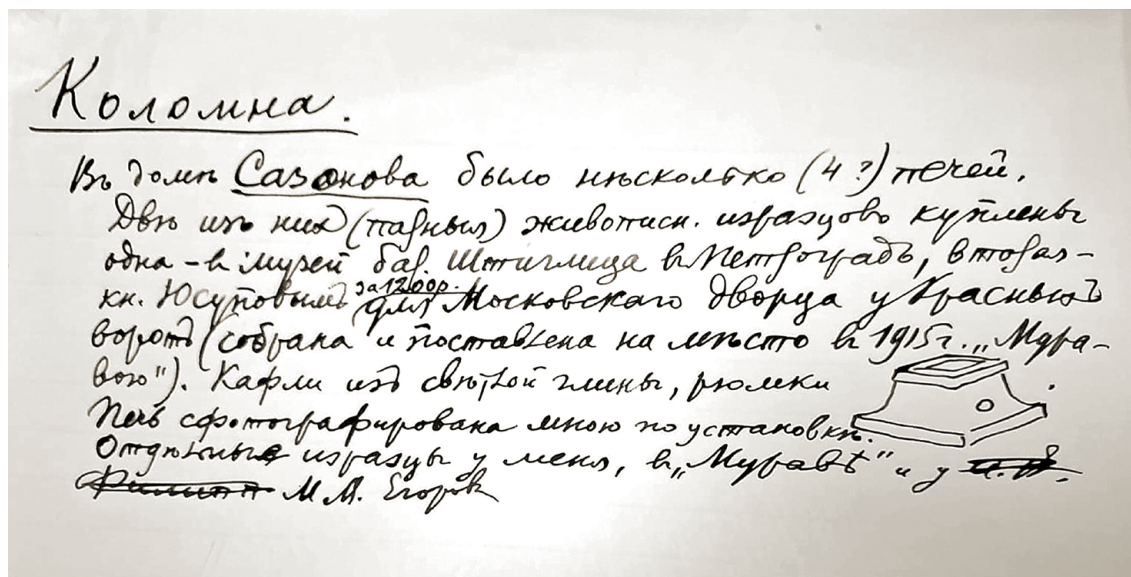

Рис. 8. Записка А. В. Филиппова.
Архив А. В. Филиппова

Fig. 8. The note of A. V. Filippov.
The archive of A. V. Filippov

Через три года коллекция была записана в книгу поступлений. За номером ГИМ 68257 числится 394 предмета «церковного и гражданского быта, орденов и других наградных знаков, в золоте, серебре и прочих металлах; предметов стеклянных, фарфоровых, фаянсовых и глиняных; оружия огнестрельного и холодного; предметов одежды, как церковных, так и военных, знамен, монет, медалей, листов, как гравированных (портреты и виды), так и рисунков, предметов скульптуры, архивных бумаг и книг» [Главная Инвентарная книга, с. 266]. Однако коллекционная опись не включает изразцов. Предметы архитектурной керамики, переданные из бывшего филиала, утратив данные об источнике поступления, растворились в коллекциях фонда изразцов Исторического музея [НВА ГИМ, л. 33, 34]. Дальнейшие поиски в Отделе керамики и стекла ГИМ полностью оправдали ожидания: была найдена значительная часть печного набора печи, по нашему мнению, находившейся первоначально в Большой Столовой палате, а также и другие изразцы (в основном копии XIX в.), предназначавшиеся для печей в Юсуповском дворце, но по каким-то причинам не использованные. Комплект печи, созданной Султановым для Большой Столовой палаты, был записан в Инвентарную книгу фонда изразцов ГИМ в 1969 г., в соответствующей графе указано – «из старых поступлений». Благодаря метке на одном из предметов комплекта, была известна дата его изготовления – 1892 г., поэтому в Отделе керамики и стекла этот памятник традиционно назывался «Печь 1892 года».

⁵ Документ отложился в деле в двух экземплярах, относящихся к одной машинописной закладке: один напечатан 2-м экземпляром (л. 34), а другой – третьим (л. 33). Оба экземпляра напечатаны темно-синим фиолетовым цветом на лицевой стороне листа бумаги книжной ориентации (размером 21,9 × 35,4 см). Внизу обоих экземпляров стоят две одинаковых росписи-автографа.

С. И. Баранова, Н. И. Иорданская. Неизвестная изразцовая печь из собрания Государственного исторического музея

Рис. 9. Зал выставки «Русский изразец». 1980 г.
Архив Отдела керамики и стекла ГИМ

Fig. 9. The hall of the exhibition «The Russian tile».
1980. The archive of the Department of ceramics
and glass SHM

За почти вековую историю нахождения в собрании Исторического музея изразцы из набора печи Юсуповского дворца экспонировались лишь однажды. На выставке «Русский изразец», которая была открыта с 1980 по 1998 г. в залах Певческого корпуса Московского Новодевичьего монастыря, эти предметы украшали зал № 8, посвященный отечественному изразцовому искусству XIX в. (рис. 9). Для демонстрации были выбраны 44 изразца, смонтированные при помощи строительного раствора в деревянную раму. По задумке авторов выставки этот реконструированный фрагмент печного зеркала должен был иллюстрировать подражание XVIII в. в интерьере эпохи историзма.

Выявленные архивные документы дали толчок к выделению изразцов, происходящих из дворца Юсуповых в Москве, в отдельный комплекс. Кроме комплекта печи из Большой Столовой палаты в этот комплекс входят образцы облицовки всех изразцовых печей, установленных в ходе реставрации дворца под руководством Н. В. Султанова (рис. 10). Всего 194 предмета: стенные и поясковые изразцы, городки и нащельники как оригинальные, второй половины XVIII – начала XIX в., так и копии, заказанные в начале 1890-х гг., в том числе на заводе М. С. Кузнецова.

В настоящее время печь из Большой Столовой палаты дворца Юсуповых находится в разобранном состоянии. Комплект насчитывает 434 единицы хранения (рис. 11). В него входят следующие формы изразцов: стенные (большие и малые), в том числе угловые, изразцы с фигурным рельефным краем (большие и малые), угловые с выемкой (большие и малые), угловые с полуколонкой, изразцы в форме полуарки, выгнутые и вогнутые изразцы короны, поясковые восьми видов, нащельники, колонки (большие и малые), ноги, большемерные стенные изразцы со скругленными углами. Гладкие расписные изразцы выполнены из светлой глины, они имеют румпу, характерную для изделий заводского производства последней трети XIX в. – невысокую, отступающую от края, с прямыми стенками.

С. И. Баранова, Н. И. Иорданская. Неизвестная изразцовая печь из собрания Государственного исторического музея

Рис. 10. Изразцы печные с полихромной росписью. 1890-е гг. ГИМ

Fig. 10. The stove tiles with polychrome painting. 1890s. SHM

С. И. Баранова, Н. И. Иорданская. Неизвестная изразцовая печь из собрания Государственного исторического музея

Рис. 11. Изразцы печные с полихромной росписью. Набор печи из дворца Юсуповых в Москве. Санкт-Петербург, завод Харламова. 1892 г. ГИМ

Fig. 11. The stove tiles with polychrome painting. The stove set from the Yusupov Palace in Moscow. St. Petersburg, Kharlamov's factory. 1892. SHM

С. И. Баранова, Н. И. Иорданская. Неизвестная изразцовая печь из собрания Государственного исторического музея

Толщина лицевой пластины – от 1,5 до 1,7 см, высота румпы – 3–3,5 см. На изразцах имеются технологические отверстия для внутреннего крепежа трех типов: одиночные или двойные отверстия на румпе, вероятно, предназначенные для крепления проволокой, и одиночные отверстия большего диаметра с углубленным кольцом вокруг, расположенные на плоском боку изразца, покрытом эмалью (на «полочке»). Отверстия второго типа использовались для крепления колонок при помощи штырей (деревянных или металлических).

Сохранившаяся часть комплекта включает как целые, так и фрагментированные изразцы. Несколько разбитых предметов склеены. Большая часть изразцов имеет утраты и сколы, красочный слой покрыт слабо заметным кракелюром. На изразцах имеются многочисленные налепы известкового раствора, некоторые изразцы сохранили вмонтированную металлическую проволоку. Следы копоти отсутствуют, что говорит о том, что печь никогда не топилась.

На изразцах комплекта имеются метки трех типов (рис. 12). Клеймо «ПИ» в прямоугольнике проставлено штампом в тесте, внутри румпы, встречается только на лицевых изразцах. Метки в виде надписей, процарапанных от руки в тесте, проставлены на многих изразцах вспомогательной группы (за исключением колонок и нащельников), они расположены внутри румпы или на боковой ее стороне. Среди надписей в тесте наибольший интерес представляет текст с датой «пере.. / штуки / 1892 Года» на одном изразце. Дата соответствует году начала работ во дворце Юсуповых. Надписи в тесте «1 печь» и «№1» могут свидетельствовать о том, что данный печной комплект был заказан первым.

Рис. 12. Метки на изразцах. Набор печи из дворца Юсуповых в Москве. ГИМ

Fig. 12. The marks on the tiles. The stove set from the Yusupov Palace in Moscow. SHM

С. И. Баранова, Н. И. Иорданская. Неизвестная изразцовая печь из собрания Государственного исторического музея

Значение римских цифр не известно. Прочие надписи – «бокъ», «придел», «пята», «среди-на», «переть» – указывают на локализацию данной формы изразца в кладке. Третий тип – в виде надписей тушью или карандашом от руки, такие метки проставлены на боковой части изразца, иногда поверх надписи в тесте. Вероятно, они называли номер изразца и ряда в кладке. Однако номера присутствуют не на каждом изразце, принцип нумерации нам пока не понятен, вследствие чего при работе над графической реконструкцией печи метки не были использованы.

Для создания обмерных чертежей печи, стоявшей во дворце Юсуповых, были приглашены архитектор Е. Б. Лазукова⁶ и художник-реставратор керамики Д. Н. Смирнова⁷. В нашем распоряжении находились лишь фотографии Большой Столовой палаты, на которых печь отображена с большого расстояния, не все ее части видны, и комплект изразцов, сохранившийся не полностью. Некоторые фрагменты печи (цоколь, «корона», фигурные клейма) были составлены из изразцов сложной формы, подогнанных под определенное, специально отведенное им место. Эти изразцы не являются универсальными, поиск их правильного сочетания представлял определенные сложности. В результате работы непосредственно с предметами в хранилище изразцов ГИМ и при помощи графического редактора CorelDRAW были сделаны обмерные чертежи, которые стали основой для предлагаемого нами варианта реконструкции печи из палат в Большом Харитоньевском переулке (рис. 13).

Благодаря проведенному исследованию было установлено, что объем хранящихся в ГИМ предметов составляет приблизительно 80 % от изначального комплекта. Дополнительное подтверждение получило предположение о том, что печь изначально не несла функцию отопительного прибора – отверстий или выемок под печную фурнитуру не было выявлено. Стали известны также параметры печи, стоявшей в углу Большой Столовой палаты.

Квадратная в плане печь имела 3,5 м в высоту, ширина центрального фасада составляла 1,7 м, ширина боковых фасадов – 1,3 м. Согласно классификации Н. И. Немцовой, принятой для описания русских изразцовых печей, это сооружение можно отнести к барочному типу с горизонтальными и вертикальными членениями [Немцова, 1990, с. 43]. Цоколь сформирован опирающимися на стойки в виде фигурных ног арками, внутри которых образованы ниши. В нишах находятся плоские большеразмерные изразцы со скругленными верхними углами. В углах основания – колонки. Два основных яруса печи по размеру находятся в соотношении 1:2 – верхний ярус ровно в два раза превышает по высоте нижний. Ярусы украшены рельефными клеймами в виде восьмиконечной звезды (клейма нижнего яруса большего размера, чем клейма верхнего яруса) и имеют посередине ниши, оформленные аркой и изразцами с полуколонками. Верхний ярус усложнен двумя рядами балясин (нижний ряд имеет большую высоту, чем верхний), чередующихся с рядами фигурных поясков. При этом ниша проходит через все эти ряды, разделяя фасад по вертикали на две части. Завершение печи представляет собой композицию из четырех фигурных «шапок», составленных из выгнутых и вогнутых изразцов в традиции Растрелли.

⁶ Елена Борисовна Лазукова – специалист по экспозиционной и выставочной деятельности ГИМ.

⁷ Дарья Николаевна Смирнова – выпускница МГХПУ им. С. Г. Строганова, участник проектов реставрации изразцовых печей конца XIX – начала XX в. в доме-музее И. Канта (поселок Веселовка Калининградской области) и на Трехгорной мануфактуре (Москва).

С. И. Баранова, Н. И. Иорданская. Неизвестная изразцовая печь из собрания Государственного исторического музея

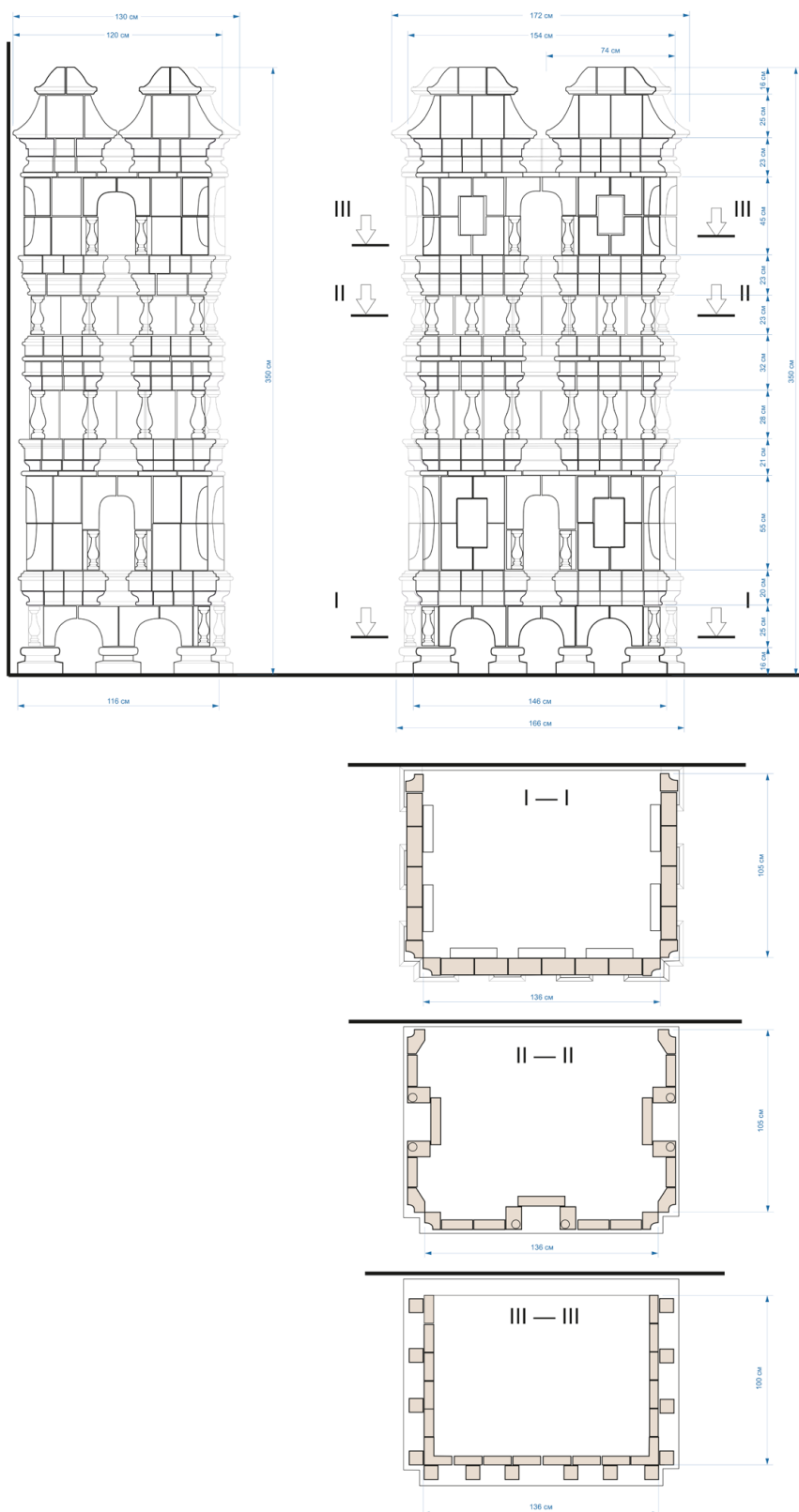

Рис. 13. Обмерный чертеж печи из дворца Юсуповых в Москве Н. И. Иорданская, Е. Б. Лазукова, Д. Н. Смирнова. 2025

Fig. 13. The measured drawing of the stove from the Yusupov Palace in Moscow. Drawing by N. I. Iordanskaya, E. B. Lazukova, D. N. Smirnova. 2025

С. И. Баранова, Н. И. Иорданская. Неизвестная изразцовая печь из собрания Государственного исторического музея

Форма печи соответствует пышным барочным сооружениям второй половины XVIII в., какие можно увидеть, например, в Царских чертогах Троице-Сергиевой лавры. Наиболее близкими аналогами для нашего памятника являются печи в Архиерейских палатах Суздальского кремля. Знакомство Н. В. Султанова с этими памятниками подтверждает литография с изображением одной из печей, опубликованная в качестве иллюстрации к его статье «Изразцы в древнерусском искусстве» [Султанов, 1885, рис. XXVI]. У печи с коричневой росписью [Маслих, 1983, рис. 264] Султанов заимствовал архитектурную композицию – фигурные ноги с арками в основании, каскад ниш, сложную систему карнизов, два ряда балясин и несколько отдельных «шапок» в завершении. Торжественную форму архитектор сделал еще более нарядной, добавив украшение в виде рельефных клейм. Этот декоративный мотив в более лаконичном варианте присутствует на суздальской печи с синей росписью [Маслих, 1983, рис. 265]. Такой прием декорации также можно назвать отличительной особенностью печных наборов Русского Севера, без сомнения, известных архитектору.

Таким образом, соединив самые яркие черты печей из Суздальского кремля, Султанов создал произведение, соответствующее запросу заказчика и на парадность, и на историзм, но при этом совершенно оригинальное. Роспись печи из Юсуповского дворца также находится в русле этой тенденции – она имеет конкретные аналоги, программу и при этом выполнена на современном техническом уровне.

Изразцы покрыты белой эмалью, у которой есть в некоторых случаях чуть розоватый оттенок. Роспись выполнена коричневой и изумрудно-зеленой эмалями. Красочный слой плотный и ровный, без затеков и каверн, характерных для изделий XVII–XVIII вв. Дефекты обжига практически отсутствуют, что говорит о высококачественном заводском производстве.

Одна из ведущих ролей в составлении общей декоративной композиции печи отведена поясковым изразцам, которые занимают значительную часть площади фасадов. Н. В. Султанов продемонстрировал здесь широкую палитру этой вспомогательной группы, используя восемь различных форм карнизов и четырнадцать вариантов росписи. Архитектор повторил насыщенность живописными мотивами, характерную для тех печей XVIII в., которые он выбрал своими ориентирами. Поясковые изразцы печи из Юсуповского дворца украшают растительные и геометрические орнаменты в различных цветовых вариантах в сочетании с сюжетными росписями в рамках, без рамок, с использованием «кулис» – изображения цветов, птиц и зверей (заяц, волк, белка, олень).

В отличие от суздальских печей, здесь в основании помещены большемерные изразцы с изображением вазонов с букетами цветов на «земле», в полукруглой арке. Подобный мотив вазона, расположенного в нише, можно увидеть на печи в Петровской палате Троице-Сергиевой лавры [Маслих, 1983, рис. 270].

Композиция росписи стеновых изразцов – общая для основной части набора. Она состоит из сюжетного изображения в пейзаже, на «островке» с пояснительной надписью, в верхней части – тройное облако – все заключено в фигурную раму, в углах – трельяжная решетка, по краям с четырех сторон и в углах – «ромашки» (рис. 14). Такой вариант декора изразцов является распространенным в XVIII в., он присутствует на сине-белой печи из Архиерейского дома в Суздале. Однако сравнительный анализ сюжетных композиций выявил множество повторов с росписью изразцов печи, которая находится в настоящее время в помещениях Ростовского кремля.

С. И. Баранова, Н. И. Иорданская. Неизвестная изразцовая печь из собрания Государственного исторического музея

Рис. 14. Изразцы печные стенные с полихромной росписью. Набор печи из дворца Юсуповых в Москве. ГИМ

Fig. 14. The stove tiles with polychrome painting. The stove set from the Yusupov Palace in Moscow. SHM

С. И. Баранова, Н. И. Иорданская. Неизвестная изразцовая печь из собрания Государственного исторического музея

Рис. 15. Печь в Княжских палатах Ростовского кремля. XVIII в. (Из кн.: Иванов В. Н. Ростов Великий, Углич. М., 1964)

Fig. 15 The stove in the Princely Chambers of the Rostov Kremlin. 18th century. (From: Ivanov V. N. Rostov Velikij, Uglich [Rostov the Great, Uglich]. M., 1964)

Сине-белая печь XVIII в. была установлена в Княжских теремах в ходе реставрации конца XIX в. [Ермолова, 2003, с. 270–272] (рис. 15). Изразцы имеют ту же композицию росписи, что и на московской и суздальской печах. Кроме того, комплекты печей из Ростовского кремля и из дворца Юсуповых включают полностью аналогичные сюжеты и пояснительные надписи к ним. Например, распространенное изображение двух детей, заимствованное с листа «Пророк Елисей и вевильские дети» Библии Пискаatora и часто встречающееся на расписных изразцах XVIII в. в сочетании с различными девизами. В данном случае эта пара фигур имеет подпись «Иду путем своим». Среди других повторяющихся сюжетов: человек, собирающий урожай, с надписью «Собираю овощи», бородатый мужчина, льющий воду в широкий сосуд с надписью «Сие мне на потребу», бегущая собака с надписью «Собака борзая», лучник с надписью «Хожу за охотою своею», сидящий старец с надписью «При старости несть помощи» и др. При этом написание букв, расположение слов внутри картуша и даже дополнительные знаки (точки, многоточия и пр.) скопировано в точности.

Использование трех цветов вместо двух дало возможность применения темного контура в росписи изразцов юсуповской печи. За счет этого ясно видна разница в рисунке, говорящая о том, что декорированием этих предметов занимались несколько мастеров. Здесь можно найти как тонко и подробно прописанные лица и драпировки, дополненные легкими тенями, так и росписи, исполненные насыщенными мазками, без использования полутонов. Такая лубочная манера характерна для росписи изразцов вспомогательной группы.

Внутри комплекта печи встречаются изразцы с одинаковыми сюжетами. Сравнение их между собой и с аналогами из Ростова показывает, что живописцы буквально воспроизводили образец, включая огрехи, связанные с особенностями применения перспективы у мастеров XVIII в. При этом мелких различий в исполнении одежды, атрибутов и лиц персонажей достаточно, чтобы исключить механический способ копирования. Можно сделать вывод о том, что перед нами имитация росписи XVIII столетия, выполненная несколькими живописцами в индивидуальной манере.

С. И. Баранова, Н. И. Иорданская. Неизвестная изразцовая печь из собрания Государственного исторического музея

Необходимо отметить наличие в комплекте печи стенового изразца большого формата (37 × 23,5 см), декор которого выбивается из общего ряда (рис. 16). Изразец предназначался для украшения одной из ниш в центре фасада. Обмерный чертеж показывает, что в комплекте могло присутствовать до шести подобных изразцов – по два на каждую из сторон печи. К сожалению, сохранился лишь один.

Сюжетная композиция изображает сцену в пейзаже: бородатый мужчина с топором на боку несет вязанку дров, он слегка наклонен к собаке, находящейся в приветственном полупрыжке. По сторонам от них два дерева, по земле разбросаны срубленные ветки. Так же, как у изразцов, находящихся в центре звездчатых клейм, здесь отсутствует барочная рамка. Нижняя часть оформлена в виде «островка», на котором в специальном картуше расположен девиз «Несу труд свой». Выше лицевую поверхность изразца занимает роспись, имеющая признаки классической живописи: многоплановость композиции, пластичность в изображении фигур, замена лубочных «облаков» на «акварельное» небо.

В сочетании с прочими росписями, присутствующими на изразцах комплекта, особенно с композициями на изразцах в центре клейм, этот крупный изразец указывает на основную тему живописного оформления печи из дома Юсуповых. Ведущим здесь является мотив пасторали. Росписи демонстрируют картины сельской жизни: охота, заготовка дров, работа в поле, отдых, в сопровождении лесных (заяц, белка, волк, олень, утка) и домашних (курица, собака) животных, цветов и деревьев.

Выявление точного места происхождения печи, имя создателя и заказчиков обогатило историю новыми деталями. Преобразования, произошедшие в 1890-х гг. в палатах у Красных Ворот, в полной мере соответствовали идеалам императора Александра III, видевшего создание национального искусства – «русского стиля», образцы которого черпались тогда, прежде всего, в России второй половины XVII в. – одной из главных задач своего царствования. Устремления императора были поддержаны аристократией, в том числе из его самого близкого окружения, к которому принадлежали Юсуповы. Очевидно, что в 1890-е гг. значительные реставрационные работы в своей московской резиденции Юсуповы предприняли, исходя именно из этих соображений. Соответственно, главной задачей строительных работ в московской усадьбе Юсуповых была реставрация облика дома и создание интерьеров парадных помещений в том виде, «в каком он был в XVII веке» [Султанов, 1893, с. 35]. Этого желали высокопоставленные и просвещенные заказчики.

Владельцы – княгиня Зинаида Юсупова с мужем – поручили восстановление внешнего облика палат и создание интерьеров парадных помещений второго этажа, которые располагались в восточной части комплекса городской усадьбы, Н. В. Султанову. В задачу архитектора входила не только реставрация фасадов, но и создание заново в стиле XVII – начала XVIII в. интерьеров палат с изразцовыми печами. Выбор Юсуповыми архитектора был безошибочен. Н. В. Султанов работал по заказу императоров Александра III и Николая II, великих князей Сергея и Павла Александровичей, Александра Михайловича и Ксении Александровны, Константина Константиновича и многих представителей русской аристократии, но не был простым исполнителем их воли. Архитектор был близок кругу общественных деятелей времени Александра III по своим искренним убеждениям. Сфера его деятельности была чрезвычайно широкой [Подробнее см.: Савельев, 2009]. Но главное – он был крупнейшим знатоком древнерусского искусства и архитектуры. Не случайно Н. В. Султанов в письме графу С. Д. Шереметеву называл себя человеком XVII в.⁸ В полной мере это высказывание относится к русскому изразцу: к этому

⁸ Письмо Н. В. Султанова графу С. Д. Шереметеву, 18 марта 1903 г. – РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 1660. Л. 211, 213. [Цит. по: Савельев, 2012, с. 67]

С. И. Баранова, Н. И. Иорданская. Неизвестная изразцовая печь из собрания Государственного исторического музея

Рис. 16. Изразец печной большемерный с полихромной росписью. Набор печи из дворца Юсуповых в Москве. ГИМ

Fig. 16. The stove large-format tile with polychrome painting. The stove set from the Yusupov Palace in Moscow. SHM

времени изразец уже был осознан как одно из самобытных проявлений русской культуры, а XVII в. по праву считался периодом наивысшего расцвета русского изразцового искусства.

И хотя к началу работ в палатах Юсуповых у Султанова был опыт создания интерьеров в русском стиле, он был несопоставим по масштабам стоящих перед ним новых задач. В 1889 г. архитектор участвовал в создании «боярской столовой» в квартире весьма популярного в то время художника, автора живописных полотен на сюжеты из жизни царей и бояр в XVII в. К. Е. Маковского, располагавшейся в Санкт-Петербурге в доме 12 по Адмиралтейской набережной.

Задача, стоявшая перед Н. В. Султановым, усложнялась тем, что архитектор обращался к стилю ушедшей эпохи, ушедшей зачастую с теми вещами, которые ее олицетворяли. К концу XIX в. в Москве не сохранилось ни одного подлинного интерьера дворцов XVII в., которые могли бы показать пространство старомосковского дворцового быта, связанное с жизнью, традициями, новациями, вкусами их владельцев. С особенным сожалением это признавали историки, архитекторы, художники, занимавшиеся реконструкцией дворцовых интерьеров в пору становления и расцвета историзма. Перед архитектором стояла задача соединить множество «вещей» в целостный художественный образ, который бы соответствовал иной эпохе, ее культурному коду. Но, как писал Султанов: «Если русский художник захочет создать что-нибудь действительно верное в народном или историческом отношении, то ему надо самому приняться за изучение источников, надо самому разрезать, собирать и срисовывать памятники на месте, т.е., иными словами, променять

С. И. Баранова, Н. И. Иорданская. Неизвестная изразцовая печь из собрания Государственного исторического музея

свободное творчество на кропотливую работу археолога; короче сказать, ему надо перестать быть художником, ибо стара истина, что Рафаэли никогда не бывают Виолле-ле-Дюками, и обратно – Виолле-ле-Дюки не могут быть Рафаэлями» [Султанов, 1881, с. 10].

Султанов делает свой выбор и становится «археологом»; местом его раскопок становятся архивы и музеи. Он обращается к описям несохранившихся московских дворцов, в том числе исследованным и опубликованным И. Е. Забелиным, который первым оценил этот источник для изучения интерьеров и считал его главным. Султанов изучает описи дворца в Коломенском, дворца в Измайлове, дворцов и патриарших палат в Московском Кремле, «Розыскные дела о Федоре Шакловитом», в которых описано убранство дворцовых помещений [См.: Баранова, 2021]. Для создания росписей в Юсуповских палатах такой подход оказался плодотворен, для создания достоверных проектов печей – в меньшей степени.

Печи в интерьерах дворца ясно демонстрируют, что Султанов сделал выбор в пользу широкораспространенных XVIII в. гладких расписных изразцов, выполненных в технике росписи по сырой (необожженной) эмали, обычно белой. Именно такие изразцы доминировали тогда в Санкт-Петербурге, Москве и Центральной России. Они назывались «живописными», и это название распространялось также на керамические плитки, вошедшие в обиход в то же время. Белый был основным цветом фона, на него синим цветом или сочетанием нескольких цветов – синим, зеленым, коричневым, желтым – наносили рисунок, созданный в силу умения мастера.

Впервые Султанов был приглашен к Юсуповым для обсуждения заказа 22 сентября 1891 г.: «Около 2-х ездил осматривать дом Юсуповых... Князь и княгиня Юсуповы были очень милы; буду у них отделывать “русскую палату”» [ОР РНБ, ед. хр. 2, л. 20]. Шестого мая 1892 г. он «кончил юсуповский проект и отослал перечерчивать в Москву» [ОР РНБ, ед. хр. 3, л. 10]. Было решено начать строительство: дневниковая запись «был на постройке у Юсуповых» [ОР РНБ, ед. хр. 3, л. 10 об] датирована 15 мая 1892 г. Чертежи печей архитектор составлял в Москве осенью 1892 г.: «7 октября с 12 до 6 утра проработал над древними юсуповскими печами. 8 октября... сдал юсуповские печи» [ОР РНБ, ед. хр. 3, л. 21].

Среди подрядчиков, занятых керамическим производством, архитектор выделял М. В. Харламова, которому отдавал предпочтение и часто отмечал в дневнике поездки на его завод в 1892 г.: «Апрель 13 Ездил... на завод к Харламову для юсуповских печей» [ОР РНБ, ед. хр. 3, л. 8 об]; «Май 29... был дома и ездил на завод к Харламову – заказывать печи для Юсуповых и сдать ему детальные рисунки» [ОР РНБ, ед. хр. 3, л. 11 об]; «Сентябрь 22... оттуда на завод к Харламову» [ОР РНБ, ед. хр. 3, л. 20]; «Октябрь 29 Ездил на завод к Харламову – смотреть Юсуповские печи» [ОР РНБ, ед. хр. 3, л. 22 об]; «Ноябрь 25 Заезжал на завод к Харламову» [ОР РНБ, ед. хр. 3, л. 24 об]; «Декабрь 2 Заезжал к Харламову» [ОР РНБ, ед. хр. 3, л. 25]; «Декабрь 29... потом был на заводе у Харламова» [ОР РНБ, ед. хр. 3, л. 27]; «Декабрь 30... оттуда проехал к Харламову на завод» [ОР РНБ, ед. хр. 3, л. 27]; «Декабрь 31... и у Харламова на заводе» [ОР РНБ, ед. хр. 3, л. 27].

Контакты с Харламовым сохранялись, и в 1893 г., когда велись работы на третьем этаже в домово́й церкви: «Январь 3... Был... у Харламова на заводе до 3 ½» [ОР РНБ, ед. хр. 4, л. 1 об]; «Январь 5... Оттуда проехал к Харламову на завод» [ОР РНБ, ед. хр. 4, л. 1 об]; «Февраль 10... Заехал к Харламову» [ОР РНБ, ед. хр. 4, л. 6].

В дневнике архитектора за 1892 г. в связи с заказом изразцов упоминается также Турчанинов: «Сентябрь 28... Был Турчанинов насчет изразцов» [ОР РНБ, ед. хр. 3, л. 20 об.]; «Сентябрь 29... у Турчанинова вещи с завода – посредственные» [ОР РНБ, ед. хр. 3, л. 20 об.]; «Октябрь 5: [был] Турчанинов по делу изразцов» [ОР РНБ, ед. хр. 3, л. 21];

С. И. Баранова, Н. И. Иорданская. Неизвестная изразцовая печь из собрания Государственного исторического музея

«Октябрь 8... и сдал между прочим Юсуповские печи. Отправил письмо и посылку Турчанинову» [ОР РНБ, ед. хр. 3, л. 21]; «Декабрь 31 Утром у меня был Турчанинов»⁹ [ОР РНБ, ед. хр. 3, л. 27]. Отталкиваясь от количества упоминаний завода Харламова в дневнике Н. В. Султанова, можно заключить, что с этим заводом связан крупный заказ, более сложный и объемный, чем с заводом Турчанинова. Единственным подходящим объектом в реконструируемом дворце, подходящим под эти параметры, являлась печь из Большой Столовой палаты.

Стоит отметить, что на заводе Харламова в 1870–1880-х гг. были изготовлены изразцы для печей и каминов, установленных во дворцах великих князей Владимира Александровича, Павла Александровича и Михаила Михайловича в Санкт-Петербурге [Роденков, Лихолат, 2020, с. 15–31]. Такой объем заказов на облицовочную керамику характеризует М. В. Харламова, как популярного и надежного поставщика. Среди заводов, с которыми сотрудничал Н. В. Султанов, похожими характеристиками обладает лишь завод Товарищества М. С. Кузнецова. Однако изделия Товарищества имели известную маркировку, которая не совпадает с клеймом «ПИ», проставленным на изразцах печи из Палат Юсуповых. Учитывая, что клейма завода Харламова в настоящее время не известны, по совокупности данных это место производства является наиболее вероятным для нашего памятника и клеймо «ПИ» не связано ни с каким другим керамическим производством, можно приписать данную маркировку изделиям завода Харламова.

Н. В. Султанов принимал участие в установке печей: 13 декабря «долго был у Юсуповых на работах, складывал печи», записал он в дневнике [ОР РНБ, ед. хр. 3, л. 26]. Последние слова не стоит понимать буквально. Скорее всего, Султанов контролировал процесс кладки печей. Однако важно помнить, что он лично давал задание печникам. Когда строительство уже подходило к концу, Султанову пришлось отметить: «Март 11 [1893 года] ...почти все кончается, кроме печей, которые задерживаются» [ОР РНБ, ед. хр. 4, л. 15 об.]. Завершение кладки и облицовки изразцовых печей второго этажа происходило, как видно из его дневниковых записей, в апреле – начале мая 1893 г. [ОР РНБ, ед. хр. 4, л. 10 об., 20 об.]. Строительные и отделочные работы на первом и втором этажах были завершены в мае 1893 г. После освящения дома 12 мая 1893 г. начался второй, завершающий этап реставрации, законченный созданием на третьем этаже интерьеров домового храма Святителя Николая Чудотворца и Великомученицы Татьяны, в притворе которого также была сложена изразцовая печь. В том же году Султанов опубликовал статью о реставрации Палат князей Юсуповых [Султанов, 1893].

Семнадцатого мая 1893 г. состоялось новоселье: «Был на “большом” новоселье у Юсуповых, – пишет Султанов в своем дневнике, – у них обедали великие князья Сергей и Павел Александровичи, Елизавета Федоровна, свита, Истомина, Жуковский, гр[аф] Белевский и я. Дом произвел фурор: великий князь и великая княгиня пили “за зодчего”. Мое торжество было полное» [Цит. по: Савельев, 2009]. В 1895 г. реставрационные работы в доме были закончены.

В 1898–1899 гг. художнику Л. М. Браиловскому Юсуповы заказали 12 акварелей (сохранилось 9), представлявших интерьеры дома. Акварели стали бесценными свидетельствами замысла архитектора. Особенно жаль утраченных акварелей, среди которых безусловно было изображение Большой столовой, которые могли стать свидетельствами истории печи.

⁹ Речь идет о заводе, который был основан в 1889 г. Ольгой Павловной Турчаниновой неподалеку от станции Мустамяки Финляндской железной дороги.

С. И. Баранова, Н. И. Иорданская. Неизвестная изразцовая печь из собрания Государственного исторического музея

После завершения проекта дворец сразу стал московской достопримечательностью. Делегаты проходившего в Москве в начале 1895 г. Второго съезда русских зодчих, и прежде всего гражданские инженеры, настояли на осмотре нового произведения Султанова. Дневник фиксирует череду успешных показов. Четвертого февраля он записал: «Вечером... давали обед в честь Китнера, Шретера, Сюзора и меня. Я опять был очень тепло приветствован. ... Эффект – полнейший» [ОР РНБ, ед. хр. 6, л. 5 об.].

Московский проект был столь успешен, что в 1898–1900 гг. Султанов повторил его в петербургском доме (не сохранился) влиятельного вельможи Д. С. Сипягина, также пожелавшего иметь в столовой интерьер в русском стиле. При создании печей в доме Сипягина архитектор вновь использовал подлинные и копийные изразцы. Одна «среднестенная изразчатая печь с колонками... очень редкого рисунка» была куплена в Москве, другая приобретена в Обществе любителей древней письменности, где она выставлялась. Дополнительные изразцы по имеющимся образцам заказывали на фабрике «Товарищества производства фарфоровых, фаянсовых и майоликовых изделий М. С. Кузнецова» [Каталог, 1895].

Результатом проведенного исследования стало обретение утраченного произведения одного из выдающихся архитекторов эпохи историзма Н. В. Султанова. Можно утверждать однозначно, что комплект печи в собрании Государственного исторического музея изготовлен в 1892 г. и происходит из Палат Юсуповых в Большом Харитоньевском переулке в Москве. Установлено, что печь сделана на заводе М. В. Харламова в Санкт-Петербурге. Учитывая отсутствие маркировки изделий этого завода, комплекс меток на выявленном памятнике открывает не доступные ранее широкие возможности атрибуции предметов русской архитектурной керамики.

Можно уверенно говорить о том, что проектирование и изготовление изразцовой печи для Большой Столовой было первым опытом создания печей для Палат Юсупова. Метка «Печь № 1» на изразцах комплекта недвусмысленно говорит о месте печи в задумке Султанова. В дальнейших вариантах печей использовались подлинные изразцы XVIII и XIX вв., и созданные по ним изразцы копийные.

Замена первоначальной печи на оригинальный калужский аналог вероятно свидетельствует не только о желании заказчиков иметь в одном из ключевых помещений Палат более торжественный архитектурный и живописный акцент. Отметим, что все другие печи строились на сочетании оригинальных и копийных изразцов, подчеркивая линию создания дворца-музея, наполненного артефактами. Печи в кабинете князя Ф. Ф. Юсупова, в столовой, в Гербовой гостиной княгини З. Н. Юсуповой выполнены по чертежам Султанова и имеют в наборе подлинные изразцы XVIII–XIX вв. В сочетании с тем, что изразцы, найденные на территории усадьбы, Султанов поместил в специальные рамы и разместил в Парадных сенях Палат как музейный экспонат, печь, изначально полностью новодельная, выглядела очевидно выбивающейся из этого ряда и не вписывающейся в концепцию.

Печь из Большой Столовой Юсуповского дворца расширяет современное представление о «русском стиле» в декоративно-прикладном искусстве как подражание исключительно произведениям допетровской эпохи. Осуществленный проект Султанова демонстрирует широту восприятия во второй половине XIX столетия традиционного русского искусства и включение в это понятие произведений XVIII в.

С. И. Баранова, Н. И. Иорданская. Неизвестная изразцовая печь из собрания Государственного исторического музея

Библиография

- Баранова С. И. Интерьеры московских дворцов второй половины XVII в.: опыт инвентаризации // Известия Уральского федер. ун-та. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2021. Т. 27. № 2. С. 151–158.
- Баранова С. И. Музей изразцовых печей. М., 2025. 160 с. с ил. Серия «Палаты Юсуповых в Москве у Красных Ворот».
- ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 94. Л. 52. Машинопись. Копия.
- ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 94. Л. 53–53об. Машинопись. Подлинник.
- Главная Инвентарная книга ГИМ. Том IX.
- Дом князей Юсуповых. Авт. Сфинкс // Газета «Московский Вестник». № 218. 10 авг. 1897 г. // РГАЛИ. Ф. 2428. Оп. 1. Д. 189. Тетр. 2. № 290–301.
- Ермолова В. Б. Изразцовое убранство Ростовского кремля // Сообщения Ростовского музея. 2003. Вып. XIV. С. 261–272.
- Киселев И. А. Печи и карнизы московского ампира первой половины XIX века. М.: Институт проблем управления, 2009. 304 с.: ил.
- Камер-фурьерский церемониальный журнал 1775 года. СПб., 1878. С. 674–675.
- Каталог строительных майоликовых, эмалевых и терракотовых украшений, каминов, печей, печных изразцов, иконостасов и киот, Высочайше утвержденного Товарищества производства фарфоровых и фаянсовых изделий М. С. Кузнецова, в Москве. М., 1895.
- Маслих С. А. Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. Russian ornamental tiles 15th – 19th centuries. 2-е изд, перераб и доп.: науч. ред. В. И. Балдин. М.: Изобразительное искусство, 1983. 28, [20 с.]: 110 л. ил.
- НВА ГИМ. Оп. 1. Д. 324. Л. 31–34. Машинопись. Подлинник.
- Немцова Н. И. К вопросу о классификации русских изразцовых печей XVIII в. / Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. 3. М.: Стройиздат, 1990. С. 40–52.
- Опись дома Ивана Демидовича Мещанинова в Коломне на Посаде в приходе церкви великомученика Никиты... идучи от Спасских ворот в Бобышеву слободу на правой стороне, в межах по правую сторону проезжаго в поле переулка, по левую сторону дворового строения умершего коломенского купца Панкрата // ЦИАМ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1224. Л. 19.
- ОР РНБ. Ф. 757. Ед. хр. 2. Л. 20.
- ОР РНБ. Ф. 757. Ед. хр. 3. Л. 8 об., 10, 10 об., 11 об., 20, 20 об., 21, 22 об., 24 об., 25, 26, 27.
- ОР РНБ. Ф. 757. Ед. хр. 4. Л. 1 об., 6, 10 об., 15 об., 20 об.
- РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 977. Л. 174.
- Роденков А. И., Лихолат К. В. Гончарный завод М. В. Харламова. СПб.: Коло, 2020. 168 с.: ил.
- Савельев Ю. Р. Николай Владимирович Султанов. Портрет архитектора эпохи историзма. СПб.: Фонд «Спас», Лики России, 2009. 352 с.: ил.
- Савельев Ю. Р. Н. В. Султанов: теория и практика русского стиля // Академик Императорской Академии Художеств Николай Васильевич Глоба и Строгановское училище. М., 2012.
- Султанов Н. В. Возрождение русского искусства // Зодчий. 1881. № 2.
- Султанов Н. В. Изразцы в древнерусском искусстве // Материалы по истории русских одежд. СПб., 1885.
- Султанов Н. В. Реставрация дома князей Юсуповых в Москве // Зодчий. 1893. № 5.

SVETLANA I. BARANOVA, NADEZHDA I. IORDANSKAYA

UNIDENTIFIED STOVE FROM THE COLLECTION
OF THE STATE HISTORICAL MUSEUM

Abstract. This article is devoted to the attribution of the unidentified tiled stove stored in the collection of the SHM. Its attributive characteristics, new archival sources identified, allow the stove to be included in the reconstruction by the architect N.V. Sultanov, that took place in Yusupov Chambers in Moscow in the early 1890s. The same sources suggest the place and date of production of the stove set – Kharlamov's factory in Petersburg in 1892. Obviously, this version, consisting entirely of the tiles contemporaneous to the reconstruction, further did not suit owners who later in 1913–1915 replaced the stove with an authentic Kaluga one from the 1760s. As part of the study, a graphical reconstruction of the stove from the Yusupov Chambers has been done, which for the first time provided data on the parameters of the monument and the number of items in the stove set. The article gives a detailed description of the stove, as well as provides analogues and makes stylistic analysis of the décor.

Keywords: tile, stove, reconstruction, N. V. Sultanov, Yusupov Chambers, Kharlamov's factory

Acknowledgements. The authors express their sincere gratitude to E. A. Bobrinskaya, Dr. habil. in Art history, the head of the art sector of the New and Modern Times of The State Institute for Art Studies, for the support and materials provided, to E. B. Lazukova and D. N. Smirnova, the artists, for the help in creating the measured drawings, and also to A. B. Postnikov for the guidance to documentary sources.

References

- Baranova S. I.* Inter'ery moskovskikh dvorcov vtoroj poloviny XVII v.: opyt inventarizacii [Interiors of Moscow palaces in the second half of XVII century: inventory experience] // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul' tury.* 2021. T. 27. No 2. S. 151–158.
- Baranova S. I.* Muzej izrazcovyh pechej [Museum of the tiled stoves]. M., 2025. 160 s., il. – Seriya «Palaty YUsupovyh v Moskve u Krasnyh Vorot».
- GARF. F. A-2307. Op. 3. D. 94. L. 52. Mashinopis'. Kopiya.
- GARF. F. A-2307. Op. 3. D. 94. L. 53–53ob. Mashinopis'. Podlinnik.
- Glavnaya Inventarnaya kniga GIM. Tom IX.
- Dom knyazej Yusupovyh. Avt. Sfinks // *Gazeta «Moskovskij Vestnik».* No 218. 10 avg. 1897 // RGALI. F. 2428. Op. 1. D. 189. Tetr. 2. No 290–301.
- Ermolova V. B.* Izrazcovoe ubranstvo Rostovskogo kremlya [Tiled decoration of the Rostov Kremlin] // *Soobshcheniya Rostovskogo muzeya.* 2003. Vyp. XIV. S. 261–272.
- Kiselev I. A.* Pechi i karnizy moskovskogo ampira pervoj poloviny XIX veka [Stoves and cornices of the Moscow empire of the first half of 19th century]. M.: Institut problem upravleniya, 2009. 304 s.: il.
- Kamer-fur'erskij ceremonial'nyj zhurnal 1775 goda. SPb., 1878. S. 674–675.

С. И. Баранова, Н. И. Иорданская. Неизвестная изразцовая печь из собрания Государственного исторического музея

- Katalog stroitel'nyh majolikovyh, emalevyh i terrakotovyh ukrashenij, kaminov, pechej, pechnyh izrazcov, ikonostasov i kiot, Vysochajshe utverzhdennogo Tovarishchestva proizvodstva farforovyh i fayansovyh izdelij M. S. Kuznecova, v Moskve. M., 1895.
- Maslikh S. A.* Russkoe izraztsovoe iskusstvo XV-XIX vekov [Russian ornamental tiles 15th-19th centuries]. – 2-e izdanie, peredabotannoe i dopolnennoe: nauchnyi redactor V.I. Baldin. Moskva: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1983. – 28, [20 s.]: il., 110 l. il.
- NVA GIM. Op. 1. D. 324. L. 31–34. Mashinopis'. Podlinnik.
- Nemtsova N. I.* K voprosu o klassifikatsii russkikh izraztsovykh pechej XVI–XVIII vekov [Study and Restoration of Russian tiled stoves of 17th-18th centuries] / Restavratsiia i issledovaniia pamiatnikov kul'tury. Vypusk 3. Moskva: Stroizdat, 1990. S. 40–52.
- Opis' doma Ivana Demidovicha Meshchaninova v Kolomne na Posade v prihode cerkvi velikomuchennika Nikity... iduchi ot Spasskih vorot v Bobyshevu slobodu na pravoj storone, v mezhah po pravuyu storonu proezhago v pole pereulka, po levuyu storonu dvorovogo stroeniya umershego kolomenskogo kupca Pankrata // CIAM. F. 41. Op. 1. D. 1224. L. 19.
- OR RNB. F. 757. Ed. hr. 2. L. 20.
- OR RNB. F. 757. Ed. hr. 3. L. 8 ob., 10, 10 ob., 11 ob., 20, 20 ob., 21, 22 ob., 24 ob., 25, 26, 27.
- OR RNB. F. 757. Ed. hr. 4. L. 1 ob., 6, 10 ob., 15 ob., 20 ob.
- RGADA. F. 1290. Op. 5. D. 977. L. 174.
- Rodenkov A. I., Liholat K. V.* Goncharnyj zavod M. V. Harlamova [M. V. Kharlamov's Pottery Factory]. SPb.: Kolo, 2020. – 168 s.: il.
- Savel'ev Yu. R.* Nikolaj Vladimirovich Sultanov. Portret arhitekora epohi istorizma [Nikolaj Vladimirovich Sultanov. Portrait of an architect from the era of Historicism]. SPb.: Fond «Spas», Liki Rossii, 2009. 352 s.: il.
- Savel'ev Yu. R.* N. V. Sultanov: teoriya i praktika russkogo stilya [N.V. Sultanov: Russian style theory and practice] // Akademik Imperatorskoj Akademii Hudozhestv Nikolaj Vasil'evich Globa i Stroganovskoe uchilishche. M., 2012.
- Sultanov N. V.* Vozrozhdenie russkogo iskusstva [Revival of Russian art] // Zodchij. 1881. No 2.
- Sultanov N. V.* Izrazcy v drevnerusskom iskusstve [Tiles in ancient Russian art] // Materialy po istorii russkikh odezhd. SPb., 1885.
- Sultanov N. V.* Restavraciya doma knyazej YUsupovyh v Moskve [Restoration of the Yusupov Princes' House in Moscow] // Zodchij. 1893. No 5.

Поступила в редакцию: 05.02.2026

После доработки: 03.03.2026

Принята к публикации: 04.03.2026